

**Harald
Jähner**

Wolfszeit

**Deutschland
und die Deutschen
1945-1955**

**Харальд
Йенер**

Волчье время

**Германия и немцы:
1945–1955**

Перевод с немецкого
Романа Эйвадиса
под редакцией
Виктора Зацепина

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)63
Изо

*Перевод этой книги осуществлен при поддержке
Гёте-Института.*

Йенер, Харальд.

Изо Волчье время. Германия и немцы: 1945–1955 / Харальд Йенер ; [пер. с нем. Р. Эйвадиса; под ред. В. Зацепина]. — М.: Individuum, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-907696-15-0

Каково это — жить в стране, потерпевшей чудовищное военное и нравственное поражение? «Волчье время» — панорамный рассказ о первом десятилетии после Второй мировой войны, когда Германия выбиралась из-под обломков гитлеровского режима и превращалась в современную демократию. Страна была поделена на оккупационные зоны, города лежали в руинах, большая часть населения лишилась крыши над головой. Все, что объединяло людей прежде, было полностью уничтожено. Немцы не спешили признавать свою вину за нацистские преступления — травма послевоенного времени для многих оказалась страшнее самой войны. Но разруха, голод и необходимость бороться за выживание не мешали им влюбляться, веселиться и мечтать. Это было время волков, когда каждый заботился только о себе и своей стае, — но также время изобретения новой политики, новой литературы, нового искусства и нового мировоззрения. Книга немецкого публициста Харальда Йенера, ставшая бестселлером в Германии и переведенная на шесть европейских языков, — захватывающий портрет общества, которое очнулось после катастрофы и смогло отыскать путь в будущее.

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)63

Copyright © 2019 by Rowohlt
Berlin Verlag GmbH, Berlin

© Р. Эйвадис, перевод с немецкого, 2024

© ООО «Индивидуум Принт», 2024

ISBN 978-5-907696-15-0

Оглавление

- 9 Предисловие
- 19 Глава первая. **«Час ноль»?**
- 33 Глава вторая. **Среди развалин**
- 64 Глава третья. **Великое переселение народов**
- 122 Глава четвертая. **Танцевальная мания**
- 149 Глава пятая. **Любовь '47**
- 207 Глава шестая. **Грабежи, рационирование
продуктов, черный рынок – первые уроки
рыночной экономики**
- 251 Глава седьмая. **Поколение «Фольксваген Жук»
занимает свое место в строю**
- 305 Глава восьмая. **Перевоспитатели**
- 341 Глава девятая. **Холодная война искусства
и дизайн демократии**
- 377 Глава десятая. **Звук вытеснения**
- 409 Послесловие: счастье
- 415 Примечания
- 453 Список литературы
- 469 Указатель имен
- 477 Список изображений

Берлин, май 1945 года

Предисловие

18 марта 1952 года в газете *Neue Zeitung* появилась статья писателя и редактора Курта Кузенберга. Она называлась «Нет ничего само собой разумеющегося. Гимн эпохе бедствий». Всего через семь лет после окончания войны автор в своей статье предается тоске по той растерянности и беспомощности, которая овладела людьми в первые мирные дни. Несмотря на то что все остановилось — не работали ни почта, ни железная дорога, ни общественный транспорт; несмотря на бездомность, голод и все еще гниющие под завалами трупы, это время воспринимается им как старые добрые времена. Люди после войны, «словно дети, принялись чинить разодранную в клочья сеть человеческих отношений». Словно дети?..

Кузенберг настойчиво рекомендовал своим читателям вспомнить это «страшное, зловещее, оборванное, голодное и холодное время», это безвременье, когда в отсутствие государственного порядка разобщенный, раздробленный, рассеянный народ создавал новую мораль и новые социальные основы: «Порядочность теперь не означала, что нельзя ловчить и хитрить, а то и красть еду. Однако в этой полуразбойничьей жизни была своя разбойничья честь, возможно, более нравственная, чем сегодняшняя чугунная совесть».

Звучит это странно. Так ли уж оно привлекательно, это время с его «разбойничьей честью», с его невинностью? То, что объединяло немцев до конца войны, теперь — к счастью — было полностью разрушено. Старый порядок остался в прошлом, новым пока еще и не пахло, решением насущнейших проблем пока занимались победители-союзники. 75 миллионов человек,

которые сбились в кучу летом 1945 года на территории, некогда звавшейся Германией, едва ли можно было назвать народом. Эту эпоху стали называть безвременьем, или же волчьим временем, когда человек стал человеку волком. То, что каждый заботился только о себе или о своей стае, определяло облик страны до начала пятидесятых, когда жизнь уже более или менее наладилась, но люди все еще упорно стремились обратно в семью как свое индивидуальное убежище. Даже в пресловутом «господине Онэмихеле»*, том типе аполитичных немцев, составлявших большинство населения, излюбленном объекте критики общественной организации «Солидарность», уже во второй половине пятидесятых все еще прятался — под личиной добропорядочного гражданина — волк, до состояния которого скатился в 1945 году бывший доблестный «фольксгеноссе»**.

Более половины людей на территории послевоенной Германии находились не там, где им следовало или где они хотели бы находиться, в том числе девять миллионов эвакуированных и бездомных, лишившихся жилья в результате бомбежек, четырнадцать миллионов беженцев и депортированных, десять миллионов угнанных в Германию на работу с оккупированных территорий и освобожденных узников концентрационных лагерей, а также миллионы военнопленных, которые постепенно возвращались домой. То, как эта человеческая мешанина, все эти оторванные от своих семей, от своих корней, угнанные в рабство, чудом выжившие и оказавшиеся на свободе люди постепенно вновь социализировались и взаимодействовали друг с другом, как «фольксгеноссе» вновь становились гражданами, и стало темой данной книги.

---

* От нем. *ohne mich* — «без меня». — *Прим. пер.*

** *Volksgenosse* (нем.) — существовавшее во времена третьего рейха обращение «товарищ по нации», в отличие от «партайгеноссе» («товарищ по [национал-социалистической] партии») и «геноссе» («товарищ» как обращение, бывшее в ходу у немецких коммунистов). — *Прим. ред.*

Это одна из тех историй, которые могут затеряться в тени великих исторических событий. Однако важнейшие перемены зрели и зарождались в обыденной жизни, в самых прозаичных, будничных процессах, таких как добыча пропитания, мародерство, купля-продажа, обмен товарами. Или любовь. Война породила неуемную жажду сексуальных приключений, но принесла и немало горьких разочарований, связанных с долгожданным возвращением мужчин домой. Многие люди увидели другими глазами, многое хотелось начать сначала; число разводов росло в геометрической прогрессии.

Коллективное воспоминание о послевоенном времени въелось в память в виде каких-то характерных образов эпохи: русский солдат, вырывающий из рук женщины велосипед; безликие фигуры на черном рынке, торгующиеся из-за пары яиц; ниссеновские бараки*, в которых размещали беженцев и тех, чьи дома были разрушены; женщины, с надеждой показывающие возвращающимся военнопленным фото своих пропавших без вести мужей. Эти немногие, но необыкновенно яркие образы, словно закольцованный немой фильм, четко структурировали первые послевоенные годы в общественной памяти. При этом добрая половина послевоенной жизни в этот фильм не попала.

Если обычно воспоминание окрашивает прошлое по мере его отдаления во всё более мягкие тона, то с послевоенным временем дела обстоят наоборот. С годами оно представляется все более мрачным. Одна из причин заключается в характерной для многих немцев потребности считать себя жертвами. Чем страшнее изображают и в самом деле жуткую голодную зиму 1946–1947 годов, тем меньше — во всяком случае, так, судя по всему, полагают многие — их вина.

---

* Тип сборного полукруглого строения с каркасом из гофрированной стали, который использовался в различном качестве в период Первой и Второй мировых войн. Назван по имени британского горного инженера и изобретателя Питера Нормана Ниссена, который в 1916 году получил на это изобретение патент. — *Прим. пер.*

Вот уже снова звучит смех. По зловеще обезлюдевшему Кёльну в 1946 году уже вновь движется спонтанное карнавальное шествие. Журналистка Маргрет Бовери вспоминала, что «чувство остроты жизни невероятно усилилось из-за близости смерти». В те годы, когда ничего нельзя было купить, она была так счастлива, что позже решила вообще отказаться от крупных покупок.

Страдания не понять без той радости, которая им сопутствует. Одни, избежав гибели, погружаются в апатию, другие испытывают бурную, невиданную радость бытия. Привычный уклад жизни был уничтожен, семьи разрушены, старые связи утрачены, но судьба заново перемешивала людей, как колоду карт, и те, кто был молод и не боялся жить, воспринимали послевоенный хаос как своего рода народные гулянья, на которых надо было день за днем искать свое счастье. Как это счастье свободы, которое едва успели почувствовать многие женщины, так быстро улетучилось в годы подъема? А может быть, оно вовсе не исчезало в той мере, как это представлено в уже привычных нам карикатурных изображениях пятидесятих годов?

Холокост в послевоенные годы занимал поразительно мало места в сознании большинства немцев. Многие, правда, знали о преступлениях на Восточном фронте и признавали определенную коллективную ответственность за то, что эта война вообще была развязана, но убийство миллионов немецких и европейских евреев не находило отклика ни в их умах, ни в их сердцах. Лишь немногие, например философ Карл Ясперс, публично поднимали эту тему. Евреи не упоминались даже в признаниях вины евангелической и католической церковью — признаниях, ставших предметом долгих дискуссий.

Неспособность даже представить себе такое явление, как Холокост, распространилась и на весь немецкий народ. Преступления были настолько масштабны, что вытеснялись из кол-

лективного сознания еще в момент их совершения. А тот факт, что даже, казалось бы, вполне добропорядочные люди не желали думать о дальнейшей судьбе депортированных соседей, и по сей день подрывает веру в человеческий род. Особенно, конечно, это касается большинства тогдашних граждан Германии.

Вытеснение из сознания и замалчивание лагерей смерти продолжилось и после войны, хотя союзники пытались принудительно, с помощью, например, таких фильмов, как «Мельницы смерти»*, напоминать побежденным о преступлениях нацистского режима.

Гельмут Коль говорил о «благодати позднего рождения», о том, что младшим поколениям «легко судить» своих отцов. Однако была еще и благодать пережитых ужасов. Воспоминания о ночных бомбежках, суровых голодных зимах первых послевоенных лет и борьба за выживание в условиях хаоса и разрухи отбивали у многих немцев желание задумываться о прошлом. Они сами чувствовали себя жертвами и не желали утруждать себя мыслями о подлинных жертвах. Ибо у тех, кому удалось, насколько это было возможно, сохранить честь и совесть и кто теоретически мог бы в полной мере осознать масштаб массовых убийств, систематически совершавшихся от их имени благодаря их терпимости и нежеланию замечать происходящее, просто не хватило бы на это мужества и сил, которые были нужны для другого — чтобы выжить в послевоенные годы.

Инстинкт самосохранения отключает чувство вины. Это коллективный феномен, который наглядно проявился именно в послевоенный период и сильно подточил веру людей в человека как такового и в собственное «я». Как на основе вытеснения и извращения исторических фактов тем не менее смогли воз-

---

* «Death Mills» (1945) — первый документальный фильм об освобождении узников концлагерей, смонтированный Билли Уайлдером и Ханушем Бургером. Большая часть семьи Уайлдера погибла в Освенциме. — *Прим. ред.*

никнуть два таких разных антифашистских, вполне уважаемых общества, — остается загадкой. Попытка разгадать ее посредством анализа тяжелейших условий послевоенной жизни и весьма своеобразных стилей этой жизни и составляет задачу предлагаемой книги.

Хотя такие книги, как «Дневник Анны Франк» или «Эсэсовское государство. Система немецких концентрационных лагерей» Ойгена Когона, мешали этому вытеснению, многие немцы лишь с 1963 года, после судебных процессов, связанных с Освенцимом, начали всерьез задумываться о злодеяниях, совершённых германским нацизмом. В глазах следующего поколения они дискредитировали себя не в последнюю очередь именно этой отсрочкой, хотя их детям такая практика вытеснения принесла немалую материальную выгоду. В истории с трудом можно найти примеры конфликта поколений, протекающего с таким ожесточением, с такой злостью и в то же время с такой уверенностью в собственной правоте, как между молодыми немцами — так называемым поколением 1968 года — и их учеными наставниками.

Наше впечатление о послевоенных годах сложилось под влиянием воспоминаний тех, кто был тогда молод. Дети с антиавторитарными взглядами испытывали настолько сильную неприязнь к поколению своих отцов — к которому и правда было трудно испытывать большую симпатию, — а их критика была настолько изощренной, что миф об удушающей все живое затхлости, которую они, молодые, стремились побороть, до сих пор определяет образ пятидесятых, несмотря на то что исследования этой эпохи дают более сложную картину. Поколение немцев, родившихся в конце 1940-х и начале 1950-х, охотно позиционирует себя как поколение, оздоровившее жизнь в ФРГ и вдохнувшее живую душу в демократию, и неустанно подогревает этот образ. В самом деле, засилье представителей старой национал-социалистической элиты в различных ведомствах новой республики

не могло не вызывать возмущения, как и легкость, с которой нацистские преступники получали амнистию. Однако во время сбора материалов для данной книги автор то и дело находил подтверждения тому, что послевоенное время было более неоднозначным, отношение к жизни — более открытым, интеллигенция — более критически настроенной, спектр взглядов — более широким, искусство — более новаторским, а будни — более противоречивыми, чем это до сих пор пытаются представить с точки зрения поворотного 1968 года.

Существует еще одна причина, по которой четыре первых послевоенных года в значительной мере остались белым пятном в исторической памяти. Среди важных периодов и разделов изучения они представляют собой своего рода лауну, период безвременья, за который, мягко выражаясь, никто не отвечает. Одна важная глава школьной истории посвящена национал-социалистическому режиму, прекратившему свое существование с капитуляцией Вермахта, другая — истории ФРГ и ГДР, которая начинается в 1949 году и сосредоточена главным образом на денежной реформе и блокаде Берлина как прелюдии к образованию этих двух государств. Годы же, отделяющие окончание войны от денежной реформы и «немецкого экономического чуда», — в определенном смысле потерянное время для историографии, потому что в нем отсутствует институциональный субъект. Наша историография, в сущности, все еще строится как национальная история, в центре внимания которой лежит государство как политический субъект. Но судьбы немецкого народа с 1945 года определяли четыре политических центра: Вашингтон, Москва, Лондон, Париж — не самые подходящие предпосылки для построения национальной истории.

Описание преступлений против евреев и вывезенных в Германию на принудительные работы тоже чаще всего заканчивается счастливым освобождением выживших жертв нацизма союзными войсками. Но что стало с ними потом? Что делали

около десяти миллионов обессилевших от голода, угнанных на чужбину узников в стране своих мучителей и убийц их родных и близких? То, как взаимодействовали друг с другом солдаты союзных войск, побежденные немцы и освобожденные узники, относится к самым мрачным, но интереснейшим сторонам послевоенной действительности.

В нашей книге акценты постепенно смещаются от социальных аспектов жизни, от расчистки завалов, любви, воровства и купли-продажи к аспектам культурным, к духовной жизни и эстетике. Острее встают вопросы совести, вины и вытеснения. На первый план выступают разные формы денацификации, у которой есть и эстетическая сторона. То, что именно дизайн 1950-х годов снискал себе такую стойкую славу, объясняется его поразительной действенной силой: преображая окружавшую их действительность, немцы и сами изменялись. Но кто на самом деле так радикально изменял окружающий мир: немцы или все же кто-то другой? Параллельно с расцветом дизайна разгорелись споры об абстрактном искусстве, немалую роль в которых играли и оккупационные власти. Речь шла об эстетическом оформлении обеих немецких республик, о чувстве прекрасного в условиях холодной войны, ни больше ни меньше. В этом противостоянии участвовало даже ЦРУ.

После войны люди больше, чем сегодня, были склонны к серьезным разговорам, неустанно предавались глубокомысленным рассуждениям, эстетствовали, как будто можно легко, плавно вернуться к манерам, которые ушли в прошлое вместе со славным XIX веком. Сегодня мы знаем о Холокосте очень много. Гораздо меньше мы знаем, как можно было спокойно жить дальше, имея в анамнезе такой зловещий недуг. Как может говорить о нравственности и культуре народ, от имени которого были убиты миллионы людей? Может, ему вообще следует отказаться от разглагольствований о порядочности и предоставить детям самим разбираться в том, что есть зло, а что — добро?

Толкователи в СМИ и другие институции работали на полную мощность, стремясь внести свой вклад в восстановление общества. Все говорили о «жажде смысла». Философствование «на обломках существования» направило сознание на путь духовного мародерства. Смысл стали воровать так же, как воровали картошку.

Глава первая

«Час ноль»?

Когда все было кончено – и все началось

Театральный критик Фридрих Люфт пережил конец войны в подвале берлинской виллы неподалеку от Ноллендорфплац. Там, в полумраке, пропитанном «запахом дыма, крови, пота и сивухи», он вместе с другими товарищами по несчастью отсиживался в последние дни решающей битвы. В подвале было безопаснее, чем в квартирах, находившихся под перекрестным огнем Красной армии и вермахта. «Наверху был ад. Осторожно выглянув в окошко, можно было увидеть немецкий танк — как он беспомощно полз по охваченной огнем улице, останавливался, стрелял, поворачивался, полз дальше. Время от времени по развороченной снарядами мостовой перебежками, от укрытия к укрытию, спешил куда-то какой-нибудь штатский. Из разбитого горящего дома выскакивала женщина с детской коляской и неслась в направлении ближайшего бомбоубежища»¹.

Одного старика, который постоянно торчал у подвального окошка, на куски разорвало снарядом. Как-то раз в подвал занесло кучку солдат из штаба верховного главнокомандующего вермахта — это были «озлобленные, сломленные, больные типы». У каждого была с собой коробка со штатской одеждой — «на всякий пожарный случай», как они выразились: чтобы вовремя смыться. Какой же им еще нужен был «пожар-

ный случай»? «Катитесь отсюда поскорее!» — шипели на них обитатели подвала. Никому не хотелось быть с ними рядом, «когда речь идет о жизни и смерти». Мимо провезли на тележке труп блокквартира*, которого еще вчера все боялись как огня; он выбросился из окна.

Кто-то вдруг вспомнил, что в доме напротив видел груды знамен со свастикой и портретов Гитлера. Несколько смельчаков отправились туда, чтобы сжечь все это, пока не поздно, пока не пришли русские. Потом ружейный огонь снова усилился, и когда театральный критик осторожно выглянул на улицу из подвального окошка, он увидел эсэсовский патруль — нескольких солдат, которые тоже выглядывали из-за обломков стены дома напротив. Этим типам «не лень было в такие минуты в последний раз прочесывать местность в поисках дезертиров», чтобы напоследок прихватить с собой в могилу еще хоть кого-нибудь. «Потом все стихло. Когда мы, выждав какое-то время, показавшееся нам вечностью, осторожно поднялись по узкой лестнице наверх, шел мелкий дождь. На домах по ту сторону Ноллендорфплац развевались белые флаги. Мы тоже соорудили себе из подручных тряпок белые повязки на рукава. И тут появились двое русских. Они перелезли через те самые обломки стены, из-за которых выглядывали эсэсовцы. Мы подняли руки вверх, потом показали на наши белые повязки. Русские улыбнулись и махнули рукой. Война кончилась».

«Час ноль», как это стали называть позже, пробил для Фридриха Люффа 30 апреля. В 640 километрах дальше на запад, в Ахене, война закончилась еще полгода назад: город был взят американскими войсками в октябре 1944-го. В Дуйсбурге, в той части города, что расположена на левом берегу Рейна, война закончилась 28 марта, в правобережной части города — на шестнадцать

---

* Должностное лицо нацистской партии, отвечавшее за работу местных (квартильных) ячеек НСДАП. — *Прим. ред.*